

Криста Мирай

Воронье гнездо

18+

Криста Мирай
Воронье гнездо

«Автор»

2026

Мирай К.

Воронье гнездо / К. Мирай — «Автор», 2026

Она — корона, которую хотят украсть. Он — щит, у которого нет права на желания. Шестнадцатилетняя принцесса Ирма теряет трон, едва успев его получив. Её судьба — стать разменной монетой в сделке с южным королевством, её тело — приз за мир, который она не заключала. Свадьба с жестоким принцем Стефом — приговор, а не спасение. Единственная преграда между ней и убийцами — угрюмый рыцарь без земель и золота, чьё имя не стоит и гроша в анналах знати.

© Мирай К., 2026

© Автор, 2026

Криста Мирай

Воронье гнездо

Глава 1

Нортанд, замок Воронанье Гнездо
Шесть месяцев после смерти королевы Элины

Стража у дверей тронного зала пропустила сэра Дэймона без единого слова. Он шёл по длинному каменному коридору, и сапоги его тихо ступали по выщербленным плитам — не потому, что он старался красться, а потому что за пятнадцать лет жизни в замке выучил каждый камень, каждую трещину, каждый скрип половиц. В Вороньем Гнезде не любили шума. Прежняя королева, Элина, говорила, что тишина — это роскошь, которую северяне могут себе позволить, в отличие от вечно галдящих южан.

Дэймону шёл двадцать пятый год. Он был высок даже для северянина — сказывалась кровь предков, которые поколениями мерили землю вдоль ледяных границ. Короткие тёмные волосы, серые глаза, лицо с резкими скулами и тонким шрамом над левой бровью — память о первой стычке с разбойниками в пятнадцать лет. Доспех его был простым, без гербов и украшений: потёртая кожа, стальные пластины, начищенные до тусклого блеска, плащ из грубой тёмно-синей шерсти. На груди — единственная эмблема: серебряный ворон с распростёртыми крыльями, знак личной стражи королевы.

Когда-то таких воронов было двенадцать. Теперь осталось семеро. Пятеро погибли в войне с южанами. Дэймон помнил каждого: как они смеялись в казармах, как спорили о тактике, как шептались по ночам о женщинах, которых никогда не посмеют коснуться. Теперь он был старшим среди оставшихся. Ему не нравилось это звание.

Он подошёл к высоким дубовым дверям, за которыми заседал Малый совет. Двое стражников — из королевской гвардии, не из личного состава — переглянулись, но пропустили его. Приказ королевы-регентши? Или просто знали, что этого рыцаря остановить нельзя? Дэймон не стал спрашивать.

Внутри было сумрачно. Совет собирался в помещении, которое в прежние времена служило охотничьей залом: стены увешаны рогами оленей и чучелами волков, длинный дубовый стол, за которым сидели семеро мужчин в тёмном. Воздух пропах воском, старой кожей и табаком — лорд Харгрив курил трубку, не спрашивая разрешения. У камина стоял трон — маленький, неудобный, предназначенный не для парадов, а для быстрых решений. Королева Элина не любила церемоний.

Теперь на троне сидела девушка в чёрном.

Принцесса Ирма смотрела в карту, разложенную перед ней на столе, и не подняла головы, когда Дэймон вошёл. Ей было шестнадцать, и она выглядела на четырнадцать — тонкая, бледная, с тёмными кругами под глазами, которые не скрывал даже толстый слой траурной вуали. Волосы, рыжие, как у матери, были стянуты в тугой узел на затылке — «чтобы не мешали», как

она однажды сказала. Платье сидело мешковато: не потому, что портниха ошиблась в мерках, а потому что Ирма почти перестала есть после похорон.

Ваше высочество. — Дэймон опустился на одно колено в трёх шагах от стола. Достаточно близко, чтобы быть услышанным, достаточно далеко, чтобы не нарушать этикет.

Ирма подняла глаза. У неё были тёмно-карие глаза — «материнские», как говорили при дворе, хотя королева Элина славилась светло-зелёными. На самом деле Ирма походила на отца, короля-консорта Берона, который погиб в битве при Кровавом Перевале, когда дочери было всего шесть лет. От отца ей достались и этот упрямый подбородок, и привычка смотреть в лицо собеседнику так, будто она читает его мысли.

— Встаньте, сэр Дэймон. Мы здесь не на балу.

Голос у неё был низкий для шестнадцати лет — прокуренный? Нет, она не курила, только брала иногда отцовскую трубку в руки и нюхала табак, вспоминая запах. Просто в последние месяцы она говорила так много и так громко, что сорвала связи. Спорила с советом, спорила с лордами, спорила с собственной кухаркой, которая пыталась накормить её утробным пирогом.

Дэймон поднялся. Совет молчал. Лорд-казначей Грейвуд теребил перстень на пальце, лорд-маршал Эдрик сжимал подлокотники кресла так, будто хотел вырвать их с корнем, лорд Харгрив выпускал клубы дыма в потолок. Только герцог Ормонд — седой, морщинистый, с лицом, похожим на дублённую кожу — сидел неподвижно и смотрел на Дэймона холодными глазами охотника.

Охотника, который выследил добычу.

— Вы знаете, зачем вас позвали? — спросил герцог. Он не любил тратить время на приветствия. В свои шестьдесят он пережил трёх королей, две войны и одно восстание, и до сих пор ни одна пуля, ни один меч, ни один яд не смогли отправить его к праотцам. При дворе шептались, что Ормонд продал душу самому Ледяному Владыке — древнему божеству севера. Дэймон не верил в слухи, но старался держаться от старика подальше.

— Я догадываюсь, милорд, — ответил он, не опуская глаз.

Вчера вечером в саду принцессы произошло покушение. Дэймон не видел стрелу — он был в казармах, когда это случилось, — но слышал крик садовника и видел сломанную ветку розового куста, в которой застрял наконечник. Длинный, тонкий, отравленный. Южный почерк.

— Принцессу Ирму попытались убить, — продолжил Ормонд. — В её собственном саду. Под окнами её спальни. Пока мы тут сидим и обсуждаем приданое.

Ирма дёрнула плечом. Она ненавидела разговоры о приданом. Её свадьба с южным принцем Стефом была решена советом ещё при жизни матери, но королева Элина тянула время — «война сначала, потом свадьбы», говорила она. Теперь Элины не было, и южане торопили. Полгода на траур, полгода на подготовку, и к началу весны Ирма должна была надеть свадебное платье и пересечь границу. Навсегда.

— Мы решили, — герцог говорил так, будто зачитывал приговор, — что принцессе нужен личный страж. Не просто гвардеец из числа тех, кто охраняет двери. Кто-то, кто будет рядом в любое время дня и ночи. Кто-то, кто скорее умрёт, чем допустит повторение вчерашнего.

Дэймон молчал. Он знал, что последует дальше.

— Совет выбрал вас, сэр Дэймон, — сказал Ормонд. — Вы лучший меч в Вороньем Гнезде. Вы верны короне. У вас нет семьи, нет земель, нет вассалов, которые могли бы использовать ваше положение для интриг. Вы — идеальная тень.

«Идеальная тень». Дэймон никогда не слышал более точного описания своей жизни. Сын барона, который потерял всё в прошлую войну. Оруженосец с восьми лет, рыцарь с пятнадцати. Ни дома, ни наследства, ни надежды когда-либо завести семью. Он был оружием — острым, надёжным, одноразовым. Им пользовались, когда нужно было убить врага или защитить господина, и выбрасывали, когда лезвие тупилось.

Он покосился на Ирму. Она всё ещё смотрела в карту — упрямо, демонстративно, будто не слышала ни слова из того, что говорил Ормонд. Но Дэймон заметил, как сжались её пальцы на краю стола. Тонкие, бледные, с чернильными пятнами — она писала письма до глубокой ночи, пытаясь удержать союзников, которые один за другим переходили на сторону врага.

— Каковы мои обязанности, милорд?

Ормонд перечислил, словно зачитывал пункты контракта:

— Спать возле её покоев. Сопровождать принцессу повсюду — в тронный зал, в библиотеку, на прогулку, в уборную. Есть только то, что она ест, и пить только то, что она пьёт, чтобы разделить риск отравления. И если кто-то поднимет на неё руку, вы должны убить его раньше, чем он сделает второй шаг.

— А если нападут десять?

— Тогда вы убиваете десятерых, сэр Дэймон. Или умираете, пытаясь.

В зале повисла тишина. Лорд Харгрив закашлялся от дыма. Лорд-маршал Эдрик отвернулся к окну, за которым серое северное небо сливалось с серыми скалами. Только герцог Ормонд не отводил взгляда.

— Я согласен, — сказал Дэймон.

Никто не удивился. Он не мог отказаться — это было равносильно признанию в трусости, а трусов в Вороньем Гнезде не держали. Но Дэймон сказал это не потому, что боялся позора.

— Решено, — герцог кивнул, и это движение было похоже на удар топора. — С сегодняшнего дня вы поступаете в личное распоряжение её высочества. Остальным стражам приказано подчиняться вам как начальнику охраны. Все вопросы — через вас. Все угрозы — к вам.

Совет зашевелился, заскрипели стулья, лорды поднимались, не глядя друг на друга. Только Ирма осталась сидеть. Она смотрела на карту — на линии фронта, которые за полгода

продвинулись на двадцать миль к северу, на крепости, которые пали одна за другой, на пустые пространства, где ещё недавно стояли верные короне гарнизоны.

— Ваше высочество, — Дэймон поклонился, ожидая, что она скажет хоть слово. Разрешение уйти. Приказ следовать за ней. Хотя бы кивок.

Ирма подняла голову.

Её глаза были сухими. В них не было ни страха, ни благодарности, ни даже той усталой покорности, которую Дэймон привык видеть у людей, поставленных перед фактом. В них была злость. Горячая, неуёмная, такая же рыжая, как её волосы.

— Вы довольны, милорды? — спросила она, обращаясь уже не к Дэймону, а к пустеющему залу. — Приставили ко мне няньку с мечом. Поздравляю. Вы выполнили свой долг перед короной.

Ормонд остановился в дверях, обернулся.

— Ваше высочество, речь идёт о вашей безопасности.

— Моя безопасность, — повторила Ирма, и в её голосе прозвучало что-то детское, обидчивое, — то, что вы решили продать меня южанину, чтобы купить его солдат? Моя безопасность стоит пяти тысяч копий и двух кораблей с пряностями? Я правильно помню условия договора?

— Ваше высочество... — начал было Грейвуд, но Ирма встала — резко, так что стул отлетел назад.

— Можете идти, милорды. Сегодня мы уже всё обсудили.

Они ушли. Не все сразу: Ормонд задержался на секунду дольше остальных, бросив быстрый взгляд на Дэймона, на Ирму, на расстояние между ними. Потом вышел, плотно притворив за собой дверь.

Стук захлопнувшейся двери повис в воздухе.

Дэймон остался стоять у стола, вытянувшись по струнке. Привычка, вьёвшаяся в кровь: в присутствии королевской особы нельзя расслабляться. Нельзя прислоняться к стене. Нельзя опускать глаза. Нельзя дышать слишком громко.

Ирма смотрела на него так, будто видела впервые.

— Вы знаете, кто стрелял? — спросила она.

— Нет, ваше высочество. Стрела южная, но это ничего не доказывает.

— А что доказывает? — Она обошла стол, и Дэймон впервые заметил, какая она маленькая. Без трона, без высокой кафедры, без подставки для ног — просто худая девушка в нелепом траурном платье, которая едва доставала ему до плеча. — В замке полно людей, которые

хотят моей смерти. Половина совета пляшет под дудку южан. Другая половина мечтает посадить на трон какого-нибудь кузена, который будет делать то, что им скажут. И единственное, что их всех объединяет, — это желание поскорее выдать меня замуж и забыть, что я вообще существую.

— Ваше высочество...

— Не перебивайте меня.

Она остановилась в двух шагах от него. Близко. Ближе, чем позволял этикет. Дэймон уловил запах — не духов, которыми обычно пользовались придворные дамы, а чего-то горького, травяного, с примесью старой бумаги и воска. Библиотека. Она пропахла библиотекой.

— Я хочу, чтобы вы знали, сэр Дэймон, — сказала Ирма тихо, очень тихо, так, что ему пришлось наклонить голову, чтобы расслышать, — я не просила себе личного стража. Я не просила няньку, телохранителя, тень. Я не ребёнок. Мне не нужен кто-то, кто будет спать у моей двери и проверять, не подсыпали ли мне яд в суп.

— Я исполняю приказ совета, ваше высочество.

— Вы исполняете приказ, — повторила она, и в голосе её прозвучала такая горечь, что Дэймону захотелось отступить на шаг. — Все вы исполняете приказы. Никто из вас не спрашивает меня, чего хочу я.

— Чего хотите вы, ваше высочество?

Она замерла. Наверное, не ожидала, что он спросит. Совет никогда не спрашивал — совет приказывал. Мать, при всей любви к дочери, тоже редко интересовалась её желаниями, слишком занятая войной и политикой. А уж южные послы и вовсе смотрели на Ирму как на говорящую куклу — у неё есть имя, титул и matka, способная родить наследника, а остальное не важно.

«Чего хотите вы?»

Ирма отвела глаза первая.

— Я хочу, чтобы война закончилась, — сказала она в сторону. — Я хочу, чтобы мои люди перестали умирать. Я хочу, чтобы мать... — Она запнулась, поправила вуаль, скрывая лицо. — Я хочу, чтобы меня не продавали, как мешок с зерном, первому, кто предложит лучшую цену.

— Я не продаю людей, ваше высочество. Я их защищаю.

— Тогда защищайте, — бросила она, и в этом слове было всё: и усталость, и вызов, и странная, совсем не детская безнадёжность. — Делайте свою работу, сэр Дэймон. Спите у моей двери. Проверьте мой суп. Умирайте за меня, если понадобится. Но не ждите, что я буду вам благодарна.

Она развернулась и пошла к боковой двери. На полпути остановилась, не оборачиваясь.

— Ваша комната будет рядом с моей. Капитан стражи покажет. И ещё — я не ем мяса по постным дням. Запомните.

— Запомню, ваше высочество.

— И не называйте меня так, когда мы одни.

— Как прикажете, ваше высочество.

Она фыркнула — почти рассмеялась, но смех вышел горьким — и скрылась за дверью.

Дэймон остался в пустом зале.

Он подошёл к столу, посмотрел на карту, которую Ирма разглядывала так пристально. Линии фронта, отмеченные красными чернилами. Потери, обведённые чёрным. Имена предателей, перечёркнутых жирной полосой. В углу карты, на самом краю, она нарисовала маленького ворона — небрежно, не думая, просто ставя точку на полях.

Ворон держал в клюве корону.

Ту самую, что носила королева Элина. Ту, что теперь предстояло носить её дочери.

Дэймон провёл пальцем по рисунку и почувствовал, как бумага под рукой чуть влажная — от слёз? От чернил, которые не успели высохнуть?

Он убрал руку и вышел из зала.

В коридоре его ждал капитан стражи — старый Годрик, кривой на один глаз, с лицом, исполосованным шрамами. Они знали друг друга почти десять лет: Годрик учил Дэймона фехтованию, когда тот был ещё зелёным оруженосцем, и до сих пор подтрунивал над тем, как он впервые уронил меч на собственную ногу.

— Поздравляю, — сказал Годрик без улыбки. — Теперь ты мамка для самой капризной девчонки во всём королевстве.

— Она не капризная, — ответил Дэймон, сам не зная, зачем её защищает. — У неё просто... горе.

— У всех нас горе, — отрезал Годрик. — Но не у всех есть право посылать совет в задницу и оставаться при этом в живых. Береги её, парень. Не только от стрел и кинжалов. От неё самой тоже. Она умеет делать глупости. Вся в отца.

Они пошли по коридору — мимо портретов давно умерших королей и королев, мимо гобеленов с охотничьими сценами, мимо зарешеченных окон, за которыми серело предвечернее небо. Дэймон заметил, что замок изменился. Раньше здесь всегда было многолюдно: фрейлины, послы, просители, торговцы, солдаты. Теперь коридоры пустовали. Те, кто мог уехать — уехали. Те, кто остался, прятались по комнатам, боясь, что их заподозрят в измене или, что хуже, в верности покойной королеве.

— Вот твоя нора, — Годрик толкнул дверь в маленькую комнатушку в конце узкого коридора. Внутри — кровать, стол, табурет, вешалка для доспехов. Узкое окно выходило на внутренний двор, где конюхи водили лошадей на водопой. — Ключ один, держи при себе. Дверь её высочества — в десяти шагах отсюда, направо. Если услышишь шум — бегом. Если не услышишь, но чутьё подскажет — всё равно бегом.

— Я знаю, что делать, — сказал Дэймон, разглядывая комнату. Меньше, чем его старая каморка в казармах, но зато своя. С дверью. С окном. С возможностью посидеть в тишине, которую так редко удавалось найти в Вороньем Гнезде.

— Я знаю, что ты знаешь, — проворчал Годрик. — Но повторить не мешает. Если с ней что-то случится — нас всех повесят. И не важно, что мы будем кричать: «Мы не виноваты, мы просто стояли в коридоре». Понял?

— Понял.

— Тогда отдыхай. Заступаешь сегодня ночью. Стоять будешь у её двери.

Годрик ушёл, тяжело ступая по каменным плитам. Дэймон остался один.

Он снял меч, прислонил к стене. Стянул перчатки, бросил на кровать. Подошёл к окну, упёрся ладонями в холодный подоконник. За окном возились лошади, перекликались конюхи, где-то вдалеке лязгнула кузнечная дверь — обычный вечерний шум обычного северного замка.

А за стеной, в десяти шагах отсюда, сидела девочка в чёрном платье и смотрела на карту, по которой ползла война.

Принцесса, которую хотят убить.

Невеста, которую хотят продать.

Правительница, которую никто не хочет слушать.

И её личный страж, который только что поклялся умереть за неё, даже не сказав этой клятвы вслух.

Дэймон закрыл глаза и представил себе завтрашний день. Утро. Он встанет затемно, наденет доспех, застегнёт перевязь с мечом и пойдёт к её дверям. Будет стоять, пока она спит. Проводит её до тронного зала, где совет снова будет обсуждать приданое и условия брачного договора. Постоит за её спиной, пока она будет спорить с лордами, которые давно уже решили, что ей не место на троне. Отведёт её в библиотеку — единственное место, где она, кажется, может вздохнуть свободно — и останется у дверей, потому что дальше ему вход запрещён. Рыцари не читают книг. Рыцари не учат языков. Рыцари стоят и ждут, пока их господа закончат свои умные дела.

«Я не ребёнок. Мне не нужен кто-то, кто будет спать у моей двери».

«Не ждите, что я буду вам благодарна».

Он не ждал благодарности. Он ждал только одного: чтобы она дожила до утра.

Ночь наступила быстро.

Дэймон стоял у дверей покоев Ирмы, прислонившись спиной к холодной каменной стене. Уши привыкли различать каждый звук: шаги патруля в конце коридора, скрип половиц в соседней комнате, завывание ветра в дымоходе. Где-то далеко, на нижних этажах, лаяла собака — старая гончая, которую держали на кухне для ловли крыс.

За дверью было тихо.

Слишком тихо.

Дэймон знал, что она не спит. Он слышал, как она ходит по комнате — туда-сюда, туда-сюда, — как иногда останавливается и что-то бормочет себе под нос. Наверное, пишет письма. Или читает. Или просто смотрит в потолок, вспоминая мать.

Он тоже иногда вспоминал мать.

Не потому, что она умерла — нет, мать Дэймона, леди Арика из рода Холодных Ключей, была жива и, по слухам, снова вышла замуж за какого-то южного барона. Она бросила его, когда ему было десять. Бросила без объяснений, без прощания, просто уехала однажды утром, пока он был на тренировке, и больше не вернулась. Отец, барон Ренар, погиб через два года, оставив сыну только имя и долги. Дэймон тогда поклялся, что никогда никого не полюбит так, чтобы расставание могло причинить боль.

Взрослые клятвы всегда кажутся смешными, когда смотришь на них из детства.

Он вздохнул, провёл рукой по лицу. Хотелось спать, но он знал: если сядет, то уже не встанет до утра. Лучше стоять. Лучше двигаться. Он отошёл от стены, прошёлся по коридору до конца и обратно — двадцать шагов туда, двадцать обратно. В конце коридора висела лампа с коптящим фитилём. Дэймон поправил её, чтобы не коптила так сильно, и заметил тень на лестнице.

Кто-то поднимался.

Тихо. Медленно. Без фонаря.

Он вытащил меч из ножен без звука — старый трюк, которому научил его Годрик: сначала чуть-чуть надавить на гарду, потом резко выдернуть клинок, так чтобы металл не звякнул о край ножен. В темноте коридора лезвие блеснуло мутно — освещение было слишком плохим для настоящей стали.

Тень приблизилась.

Дэймон уже занёс меч для удара, когда из темноты выступила фигура старого библиотекаря Бенедикта. Сгорбленный, в длинной серой мантии, с охапкой книг в руках. Он посмотрел на меч, на Дэймона, на дверь принцессы и медленно покачал головой.

— Она просила принести, — прошептал он. Голос у Бенедикта был скрипучим, как несмазанная дверная петля, но на удивление тёплым. — Историю южных королевств. Третий том.

Дэймон опустил меч.

— Входите, — сказал он, отступая от двери.

Библиотекарь кивнул, постучал три раза — условный стук, который Ирма, должно быть, знала — и вошёл внутрь. Дверь за ним закрылась, но не до конца: осталась щель, в которую пробивался слабый свет свечи.

Дэймон заглянул в щель.

Он не должен был этого делать. Это был не его долг — подглядывать за принцессой. Это было низко, недостойно рыцаря, нарушением всяческих приличий. Но он всё равно посмотрел.

Ирма сидела на кровати, подобрав под себя ноги, одетая в длинную ночную рубашку из грубого полотна. Волосы распущены — рыжая волна падала на плечи, на подушку, на раскрытую книгу, которая лежала у неё на коленях. Она улыбалась Бенедикту — слабо, краешком губ, но Дэймон никогда не видел её такой. Спокойной. Почти счастливой.

— Третий том, — сказала она, принимая книги. — Наконец-то. Вы обещали принести его ещё неделю назад.

— Тяжёлый, — пожаловался Бенедикт. — Старый. Бумага сыпется. Я боялся нести.

— Вы принесли. Спасибо.

Библиотекарь что-то пробормотал, поклонился и вышел. Увидев Дэймона, остановился, посмотрел на него долгим мудрым взглядом.

— Вы новенький, — сказал он. Это было не вопросом, а утверждением.

— Личный страж её высочества.

— А, — протянул библиотекарь. — Значит, тот самый, который будет спать у дверей. Она говорила.

— Она говорила обо мне?

Бенедикт не ответил. Только улыбнулся — беззубой, старческой улыбкой — и пошёл вниз по лестнице, шаркая туфлями.

Дэймон остался один.

Щель в двери всё ещё светилась. Он не должен был смотреть, смотрел. Ирма листала книгу, переворачивая страницы тонкими бледными пальцами. Остановилась на какой-то иллюстрации — судя по всему, на карте. Провела по ней пальцем, нахмурилась, что-то прошептала.

«Помоги мне», — подумал Дэймон. Не вслух. Просто мысль, которая пришла и ушла, оставив после себя странную тяжесть в груди.

Он отошёл от двери, прислонился к стене напротив. Меч он держал вертикально, уперев остриё в пол, руки сложив поверх рукояти. Так его учили стоять в карауле: долго, неподвижно, почти как статую.

В замке гасили огни. Один за другим, сверху вниз, словно кто-то задувал свечи невидимой рукой. В коридоре стало почти темно — только лампа в конце слабо мерцала, борясь с тьмой.

Дэймон закрыл глаза.

Не спать. Только не спать.

За дверью перестали ходить. Свеча, должно быть, погасла — или Ирма задула её сама. Наступила тишина. Такая густая, что можно было резать ножом.

Дэймон открыл глаза и остался стоять на страже.

Была его первая ночь. Впереди их ждали сотни других.